

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Мальтузианцы

Пьер-Жозеф Прудон

Пьер-Жозеф Прудон
Мальтузианцы
1848

28.04.2024 https://fr.wikisource.org/wiki/Les_Malthusiens
Перевод статьи Прудона, найденной во французском
wikisource. "Boulé" скорее всего означает название газеты,
в которой была помещена оригинальная статья.

ru.anarchistlibraries.net

1848

Оглавление

Мальтузианцы	5
--------------	---

Кто скажет мне, что право на работу и жизнь – это не вся Революция?

Кто скажет мне, что принцип Мальтуса – это не вся контрреволюция?

И именно за то, что я публиковал такие вещи, именно за то, что я энергично указывал на зло и добросовестно искал средства его устранения, я был лишен права говорить по приказу правительства, правительства, которое представляет революцию!

Вот почему я видел, как поток клеветы, предательства, трусости, лицемерия, бесчинств, дезертирства и неудач всех тех, кто ненавидит или любит народ, обходит меня стороной, лишая дара речи! Вот почему на целый месяц я был отдан на растерзание шакалам прессы и улюлюкающим котам трибуны! Ни один человек, ни прошлый, ни нынешний, не становился объектом такого ожесточенного преследования, как я, за тот простой факт, что я веду войну против антропофагов [людоедов].

Клеветать на того, кто не может ответить, – значит расстреливать пленника. Вы, мясоеды Мальтуса! Пожалуйста, продолжайте; нам еще предстоит свести не один счет. А если клеветы вам недостаточно, используйте железо и свинец. Вы можете убить меня: никто не может избежать своей участи, и я в вашей власти. Но ты не победишь меня: ты не убедишь народ, пока я жив, пока я держу перо, что, кроме тебя, на земле есть еще кто-то слишком хороший. Клянусь в этом перед народом и перед Республикой!

Пьер-Жозеф Прудон
Париж, 10 августа 1848.

отвращения к браку, если бы не могли больше найти мальтузианских женщин, стали бы поглаживать гугенотов.

Делайте девочек, мы их любим, – поют эти позорники, пародируя поэта. Но воздержитесь от мальчиков: на банкете сладострастия не хватит места для всех.

Правительство вдохновлялось Мальтусом, когда, имея в наличии сто тысяч рабочих, которым оно давало бесплатное жалованье, отказывалось занять их полезным трудом; – когда затем, после гражданской войны, оно просило принять для них закон о транспорте. При расходах на так называемые национальные мастерские, при расходах на войну, судопроизводство, тюрьму и транспорт, мы могли бы дать восставшим работу на полгода и изменить всю нашу экономическую систему. Но труд – это монополия, а мы не хотели, чтобы революционная промышленность конкурировала с привилегированной: на народной стройке нет места для всех.

Крупная промышленность не оставляет мелкой промышленности ничего: это закон капитала, это Мальтус.

Оптовая торговля постепенно поглощает розничную: это Мальтус.

Крупные поместья захватывают и объединяют самые бедные участки: это Мальтус.

Скоро половина народа будет говорить другой половиной:

Земля и ее продукты – моя собственность;

Промышленность и ее продукция – моя собственность;

Торговля и транспорт – моя собственность;

Государство – моя собственность.

А вы, у кого нет ни запасных средств, ни собственности, кто не является государственным служащим и чей труд нам не нужен, УХОДИТЕ! Под солнцем Республики нет места для всех.

Мальтузианцы

Boulé

Доктор Мальтус, английский экономист, написал такие слова:

«Человек, который рождается в уже занятом мире, если его семья не имеет возможности прокормить его, или если общество не нуждается в его труде, этот человек, я говорю, не имеет ни малейшего права претендовать на какую-либо часть пищи: таких как он уже действительно слишком много на земле. Для него нет места на великом пире природы. Природа велит ему уйти и вскоре приведет это повеление в исполнение».

Вследствие этого великого принципа Мальтус под самыми страшными угрозами рекомендует всем, у кого нет ни работы, ни дохода, чтобы жить, *уйти*, и особенно не заводить детей. Семья, иными словами, любовь, как и хлеб, запрещена Мальтусом для такого человека.

При жизни доктор Мальтус был служителем Святого Евангелия, обладал мягкой моралью, был филантропом, хорошим мужем, хорошим отцом, хорошим буржуа, верующим в Бога, а также человеком из Франции. Он умер, упокой небо его душу, в 1834 году. Можно сказать, что он первым, сам того не подозревая, свел к абсурду всю политическую экономию и поставил великий революционный вопрос – вопрос о соотношении труда и капитала.

В нашей стране, где вера в Провидение остается сильной, несмотря на безразличие века, люди говорят, как в пословице, и именно в этом мы отличаемся от англичан: каждый должен жить! – И наши люди, говоря это, считают себя такими же добрыми христианами, такими же консерваторами доброй морали и семьи, как и покойный Мальтус.

Теперь то, что говорит народ во Франции, отрицают экономисты; отрицают юристы и литераторы; отрицает

Бедные необходимы для осуществления евангельского милосердия: на здешнем банкете не может быть места для всех.

Неверный притворяется, что не знает, что *бедность* на святом языке означает всевозможные страдания и скорби, а не безработицу и пролетариат. Да и как мог он, который ходил по всей Иудее и кричал: *Горе богатым!* мог ли он слышать это иначе? Горе богатым! В сознании Иисуса Христа это было горе мальтузианцам.

Если бы Христос был жив сегодня, он сказал бы Лакордерам и им подобным: «Вы принадлежите к той расе, которая пролила кровь праведников во все века, от Авеля до Захарии. Ваш закон – не мой закон; ваш Бог – не мой Бог!..» А Лакордеры распяли бы Христа как мятежника и атеиста.

Почти вся журналистика заражена теми же идеями. – Пусть, например, [газета] «*National*» скажет нам, не верил ли он всегда, не верит ли он и сейчас, что нищенство в цивилизации вечно; что порабощение одной части человечества необходимо для славы другой; что те, кто утверждает обратное, – опасные мечтатели, заслуживающие расстрела; что таков смысл государства? Ибо, если это не тайная мысль «*National*», если «*National*» искренне, решительно хочет освобождения рабочих, то к чему эти анафемы, к чему эта злоба против чистых социалистов, против тех, кто в течение десяти и двадцати лет требует этого освобождения?

Пусть они также соизволят, чтобы народ знал их, сделать свое исповедание экономической веры, эти богемы литературы, сегодняшние прихвостни журналистики, клеветники фиксированных цен, придворные всех привилегий, панегиристы всех пороков, паразиты, живущие за счет других паразитов, которые говорят о Боге только для того, чтобы скрыть свой материализм, о семье только для того, чтобы скрыть свои прелюбодеяния, и которые из

– сказал пророк Илия царю Израиля, – а затем захватил его наследство». *Occidisti et possedisti (убийца и одержимый)*. Сегодня мы должны изменить приговор и сказать тем, кто владеет и управляет: – У вас есть привилегия работы, привилегия кредита, привилегия собственности, как говорит г-н Туре; и именно потому, что вы не хотите от них отказаться, вы выплескиваете жизнь бедняков, как воду: *Possedisti, et occidisti! (одержимый и убийца)*

А народ под натиском штыков медленно поглощается; он умирает без вздоха и ропота: жертвоприношение совершается в тишине. Мужайтесь, рабочие, поддерживайте друг друга: провидение в конце концов победит судьбу. Мужайтесь! Вашим отцам, солдатам Республики, было еще хуже, чем вам, при осаде Генуи и Майнца.

Г-н Леон Фоше, боровшийся за гарантии газет и сохранение таможенных пошлин на прессу, также рассуждал как Мальтус. – Серьезная газета, говорил он, газета, которая заслуживает внимания и уважения, – это та, которая основана с капиталом от 4 до 500,000 фр. Журналист, у которого есть только перо, подобен рабочему, у которого есть только руки. Если он не может найти способ купить свои услуги или получить кредит на свое дело, это признак того, что общественное мнение осуждает его; он не имеет права выступать перед народом: на банкете публичности нет места для всех.

Послушайте Лакордера, этот факел Церкви, этот избранный сосуд католицизма. Он скажет вам, что социализм – это Антихрист. – А почему социализм – антихрист? – Потому что социализм – враг Мальтуса, а католицизм, окончательно трансформировавшись, стал мальтузианским.

Евангелие говорит нам, – взывает постриженный, – что бедные будут всегда: *Pauperes semper habebitis vobiscum*; и что, следовательно, собственность, в той мере, в какой она является привилегией и создает бедных, священна.

церковь, которая утверждает, что она христианская и, более того, галликанская; отрицает пресса, отрицает высший средний класс, отрицает правительство, которое стремится его представлять.

Пресса, правительство, церковь, литература, экономисты, крупные сословия – все во Франции стало английским, все мальтузианским. Во имя Бога и Его святого Провидения, во имя морали, во имя священных интересов семьи утверждается, что в стране нет места для всех детей страны, и внушается, что наши женщины должны быть менее плодовитыми. Во Франции, вопреки желанию народа, вопреки национальному убеждению, еда и питье считаются привилегиями, работа – привилегией, семья – привилегией, отечество – привилегией.

На днях г-н Антони Туре заявил, что собственность, без которой нет ни отечества, ни семьи, ни работы, ни морали, станет безупречной в тот день, когда она перестанет быть привилегией. Это означало, что для отмены всех привилегий, которые ставят, так сказать, часть народа вне закона и вне человечности, необходимо, прежде всего, отменить основную привилегию и изменить конституцию собственности.

В этом г-н Антони Туре выразился так, как это делаем мы, как это делает Народ. Государство, пресса и политэкономы считают иначе: они согласны с тем, что собственность, без которой, по словам г-на Туре, не может быть ни работы, ни семьи, ни республики, должна оставаться тем, чем она всегда была, – привилегией.

Все, что делается, говорится и печатается сегодня и за последние двадцать лет, делается, говорится и печатается как следствие теории Мальтуса.

Теория Мальтуса – это теория политического убийства, убийства филантропией, любовью к Богу. – В мире слишком много людей: это первая статья веры всех тех, кто

в данный момент правит и управляет от имени Народа. Именно поэтому они делают все возможное, чтобы уменьшить мир. Те, кто лучше всех выполняет этот долг, кто с благочестием, мужеством и братством претворяет в жизнь максимы Мальтуса, – это хорошие граждане, религиозные люди; – те, кто протестует, – анархисты, социалисты, атеисты.

Необъяснимое преступление Февральской революции в том, что она стала продуктом этого протеста. Поэтому мы научим эту революцию, которая обещала обеспечить жизнь каждому, жить. – Изначальное, несмыслаемое пятно Республики – это то, что она была провозглашена антимальтузианским Народом. Вот почему Республика так одиозна для тех, кто был и хочет снова стать пособником королей, *великих людоедов*, как говорил Катон. Мы монархизируем вашу Республику, мы заставим ее пожирать своих детей!

В этом кроется секрет страданий, потрясений и противоречий нашей страны.

Экономисты, совершив немыслимое кощунство, первыми среди нас возвели теорию Мальтуса в ранг догмы Провидения. Я не обвиняю их, но и не клевету на них. У экономистов самая лучшая вера и самые лучшие намерения в мире. Они не хотели бы ничего лучшего, чем сделать человечество счастливым; но они не могут представить себе, как без определенной организации убийств может существовать баланс между численностью населения и средствами к существованию.

Спросите Академию нравственных наук. Один из ее почтеннейших членов, которого я не буду называть, хотя он гордится своим мнением, как и положено честному человеку, будучи префектом не знаю какого департамента, однажды в прокламации рекомендовал своим избирателям не заводить так много детей со своими женами. Это

вызвало большой скандал среди священников и сплетников, которые назвали эту академическую мораль моралью свиней! Ученый, о котором я говорю, был, как и все его коллеги, ревностным защитником семьи и нравственности. – Но, заметил он вместе с Мальтусом, на пиру у природы нет места для всех.

Г-н Тьер, также член Академии нравственных наук, недавно заявил в Финансовом комитете, что если бы он был министром, то ограничился бы *мужественным и стоическим преодолением кризиса*, ограничившись расходом бюджета, обеспечением порядка и тщательной защитой от любых финансовых инноваций, любых социалистических идей, таких как право на труд, а также любых революционных устремлений. И весь комитет заплотировал.

Передавая это высказывание знаменитого историка и государственного деятеля, я не имею ни малейшего желания уличить его в намерениях. В нынешнем состоянии духа мне удалось бы только послужить честолюбию г-на Тьера, если бы оно у него осталось. Я хочу обратить внимание на то, что г-н Тьер, выражаясь подобным образом, свидетельствовал, возможно, не задумываясь об этом, о своей вере в Мальтуса.

Пожалуйста, поймите это. – Два миллиона, четыре миллиона человек умрут от страданий и голода, если мы не найдем способ заставить их работать. Это, конечно, большое несчастье, и мы все первые оплакиваем его, говорят мальтузианцы: но что мы можем сделать? Лучше пусть погибнут четыре миллиона человек, чем будут ущемлены привилегии; не вина капитала, что не хватает труда: на кредитном банкете нет места для всех.

Государственные деятели школы Мальтуса мужественны и стоически терпят, когда речь заходит о том, чтобы пожертвовать миллионами рабочих. – Ты убил бедняка,